

Корнилов против Керенского

Растущая неприязнь между Керенским и Корниловым, усиливавшаяся поляризация российского общества и слабость Керенского в сложившейся ситуации особенно отчетливо проступили во время Московского государственного совещания, проходившего с 12 до 14 августа. Первоначально задуманное Керенским в конце июля для того, чтобы ознакомить видных общественных деятелей России с серьезными проблемами страны и заручиться их поддержкой программы вновь сформированного правительства второй коалиции, это совещание фактически не располагало законодательными функциями. Среди почти 2,5 тыс. участников, представлявших «цвет русского общества» [1], были члены кабинета Керенского, крупные военачальники, депутаты Государственной думы всех четырех созывов, члены Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, делегаты Всероссийского крестьянского союза. Присутствовали также представители профсоюзов, городских самоуправлений, высших учебных заведений, кооперативов, губернских земств, различных съездов и комитетов, связанных с торговлей, промышленностью и вооруженными силами [2].

В политическом плане делегаты делились на либералов и консерваторов, в общем и целом твердо поддерживавших Корнилова и крутые меры по восстановлению порядка, и на умеренных социалистов, которые, признавая необходимость сильного правительства, тем не менее продолжали настаивать на смягчении репрессий в сочетании с хотя бы умеренными шагами в направлении реформ. Первая группа обладала незначительным большинством. Как заметил один из наблюдателей, «создается впечатление, что представители так называемого "буржуазного" мира подавляют демократические элементы. Визитки, сюртуки и крахмальные сорочки доминируют над косоворотками» [3].

Практически не было делегатов крайне левого крыла. В соответствии с планами большевистского ЦК представители партии в Центральном Исполнительном Комитете должны были ехать в Москву вместе со своими коллегами. Здесь делегатам большевиков при первой возможности следовало выступить с осуждением совещания и затем демонстративно его покинуть [4]. Однако, когда об этих планах стало известно, руководство Совета потребовало, чтобы все члены делегации Совета заранее обязались не выступать на совещании без специального на то разрешения. Другими словами, большевики, выезжавшие на совещание в составе делегации Совета, были поставлены перед выбором — принять точку зрения большинства или быть исключенными из исполкома [5]. Учитывая данные обстоятельства, большевистская партия предпочла вовсе не участвовать в совещании.

Московское государственное совещание проходило в напряженной обстановке. Перед 12 августа в течение нескольких дней Москву наводняли слухи о том, что к городу стягиваются верные Корнилову войска, что Корнилов со своими сторонниками готовится выступить против правительства. Прибывшие на совещание в Москву делегаты увидели стены домов, облепленные плакатами, приветствовавшими Корнилова. Повсюду распространялась рекламная брошюра, прославлявшая «первого народного главнокомандующего» [6]. Появление самого Корнилова на совещании не ожидалось ранее 14 августа. И все же страх перед правым переворотом был так велик, что, когда 12 августа совещание открылось, Московский Совет сформировал Временный революционный комитет для обеспечения безопасности правительства и Совета. О серьезности, с которой в то время отнеслись к возможности выступления правых, говорит тот факт, что наряду с двумя меньшевиками и двумя эсерами во Временном революционном комитете активно работали и два большевика — Виктор Ногин и Николай Муралов [7].

В преддверии совещания Московское областное бюро большевиков крайне левой ориентации взяло на себя инициативу в деле организации несанкционированной забастовки, которую наметили на 12 августа, день открытия совещания. Ее одобрили руководители профсоюза, более консервативные большевики из Московского комитета и представители районных Советов Москвы [8]. Однако участники общего собрания рабочих и солдатских Советов Москвы 312 голосами (против 284) отвергли подобную акцию [9].

Тем не менее в установленный день рабочие большинства московских предприятий не вышли на работу, многие собрались на митинги протеста. Закрылись рестораны и кофейни, перестали ходить трамваи, почти не было извозчиков [10]. Даже работники буфета в Большом театре, где проходило совещание, объявили забастовку, вынудив делегатов совещания самим заботиться о своем питании. В этот вечер вся Москва погрузилась в темноту, поскольку бастовали работники газовых предприятий [11]. Масштабы забастовки свидетельствовали о силе рабочего класса, его настроениях и вновь возросшем влиянии большевиков. Комментатор «Известий», газеты Московского Совета, чья редакционная статья отражала точку зрения большинства социалистов, скрепя сердце признал, что «пора наконец понять, что большевики — это не "безответственные группы", а один из отрядов организованной революционной демократии, за которым стоят широкие массы, быть может, не всегда дисциплинированные, но зато беззаветно преданные делу революции» [12].

Если судить по дискуссиям на совещании, то большинство делегатов этого не поняли. На одном из первых заседаний, когда Милюков заметил, что выдвинутые Корниловым требования не должны вызывать подозрений, и высказал серьезную тревогу по поводу того, что правительство не обеспечивает восстановления порядка и не дает гарантии безопасности личности и собственности [13], Большой театр взорвался криками «правильно!», возгласами «браво!» и продолжительными аплодисментами. Такой же энтузиазм охватил правую половину зала, когда казачий атаман генерал Алексей Каледин заявил, что «сохранение родины требует прежде всего доведения войны до победного конца» и что «этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства». Каледин изложил ряд основных принципов, которыми Временному правительству следовало руководствоваться и которые, по существу, повторяли программу Корнилова. Под возгласы «правильно!» справа и выкрики «долой!» слева Каледин заявил, что «расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел» [14].

Когда на трибуну поднялся Василий Маклаков, блестящий оратор и один из основателей партии кадетов, и призвал правительство «опираться и верить тем, кто где-то там, на фронте», а также «найти в себе мужество дерзать и вести страну за собой, ибо грозный суд приближается», делегаты правых вновь поднялись со своих мест и громкими возгласами приветствовали оратора [15]. Однако, когда Чхеидзе изложил платформу Центрального Исполнительного Комитета [16], которая во многом отвечала требованиям либералов и консерваторов, заострив внимание на вопросах правопорядка и всеобщих жертв в интересах национальной обороны и сделав лишь минимальные уступки требованиям масс, эти же делегаты остались сидеть насупившись в своих креслах [17].

Пытаясь балансировать между левыми и правыми, Керенский во вступительной речи воздержался от изложения конкретной программы действий и, как всегда, искал спасения в энергичной риторике. Обратившись к левым, он гремел: «Пусть знает каждый пусть знают все, кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью». Затем, повернувшись к правым, он продолжал с не меньшей силой (явно намекая на Корнилова и его сообщников): «И пусть еще более остерегаются те последователи неудачной попытки, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, ниспровергнуть революционную власть... И какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе» [18]. Бурное, временами неконтролируемое и чересчур театральное выступление Керенского длилось почти два часа. Впоследствии Милюков следующим образом описывал этот эпизод: «Выражением глаз, которые он фиксировал на воображаемом противнике, напряженной игрой рук, интонациями голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота... этот человек как будто хотел кого-то утратить и произвести впечатление силы и власти... В действительности он возбуждал только жалость» [19].

Корнилов приехал в Москву поездом в полдень, 13 августа. На Александровском (ныне Белорусском) вокзале его сторонники организовали тщательно спланированную радушную встречу, которая резко отличалась от холодного приема, оказанного в Москве двумя днями ранее министрам правительства [20]. К моменту прибытия Корнилова на платформе

выстроились почетный караул, оркестр Александровского военного училища и команда женщин-юнкеров этого училища. Здесь же для приветствия «первого народного главнокомандующего» собралась толпа «дам в ярких цветных платьях», десятки увешанных медалями офицеров, участвующие в Государственном совещании консервативные и либеральные лидеры, делегация городских властей, полная энтузиазма официальная депутация от всех патриотических организаций, поддерживающих Корнилова. Московский женский батальон смерти стоял в положении «смирно» на виадуке, с которого просматривался весь вокзал, а на площади около вокзала развернулась в конном строю казачья сотня.

Как только поезд остановился, на платформу с обнаженными саблями соскочили и выстроились в две шеренги одетые в красные халаты туркмены из личной охраны Корнилова. Под звуки оркестра, громкие аплодисменты и возгласы толпы на ступеньках своего вагона появился в полной парадной форме Корнилов. Приветственно махая рукой и улыбаясь, он ступил на платформу и прошел сквозь шеренги туркмен к ожидавшим его высокопоставленным лицам. По мере продвижения дамы осыпали его цветами, которые незадолго до того раздавали несколько молодых офицеров.

В краткой речи правый кадет Федор Родичев выразил настроение момента. «Вы теперь символ нашего единства, — заявил он. — На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас» [21]. Разумеется, по крайней мере некоторые из слушавших Родичева должны были заметить, что среди встречавших не было простых граждан и рядовых солдат, однако, что вовсе не удивительно, это обстоятельство ускользнуло от внимания генерала.

Вскоре после прибытия Корнилов, восседая в открытом автомобиле во главе длинного автомобильного кортежа, совершил паломничество к Иверской, где обычно молились цари, когда приезжали в Москву. Поклонившись «чудотворной» иконе Иверской богородицы, Корнилов вернулся в свой вагон-салон. Здесь весь оставшийся вечер и следующий день он принимал поток посетителей, в том числе группу влиятельных кадетов, возглавляемых Милюковым, финансистов А.И. Путилова и А.И. Вышнеградского, печально известного Пуришкевича, генералов Верховского, Каледина и Алексеева. Верховский, будучи главнокомандующим войсками Московского военного округа, нес формальную ответственность за обеспечение безопасности Московского совещания, встретился с Корниловым для того, чтобы отговорить его от участия в каком бы то ни было заговоре против правительства. Верховского настолько поразило, что сторонники Корнилова не понимали сложившейся ситуации, что после встречи он был вынужден заявить: «На меня эти люди производят впечатление людей, упавших с луны» [22]. Посетившие Корнилова кадеты, терзаемые мучительными сомнениями относительно успеха дворцового переворота, возможно, также призывали генерала к сдержанности. Например, Милюков впоследствии утверждал, что он предостерегал Корнилова от столкновения с Керенским, по его мнению несвоевременного, поскольку у премьер-министра все еще были сторонники в провинции [23]. С другой стороны, в Москве к Корнилову приходило множество гражданских и военных лиц, чтобы заверить в своей безусловной поддержке. Наиболее выразительно это сделали Путилов и Вышнеградский из Общества экономического возрождения России, которые согласились передать верховному главнокомандующему значительную сумму денег, чтобы помочь финансировать создание авторитарного, абсолютно свободного от социалистов государственного порядка [24].

Вместе с тем возрастала и тревога Керенского в связи с предстоящим 14 августа выступлением Корнилова на Московском совещании. Не попытается ли генерал использовать собрание для оказания давления на правительство, чтобы заставить принять его условия, или, что еще хуже, не попытается ли он запугать совещание, вынудив его поддержать собственные честолюбивые планы? Желая убедить Корнилова воздержаться от каких бы то ни было акций и ограничиться сообщением о военных операциях и положении на фронтах, Керенский вечером 13 августа послал к Корнилову министра транспорта Петра Юренева. Не удовлетворенный ответом Корнилова Юренину, Керенский поздно вечером сам увещевал генерала по телефону и повторил свою просьбу на другое утро в Большом театре, непосредственно перед выходом Корнилова на трибуну. Ответ генерала прозвучал довольно неопределенно: «Я буду говорить по-своему».

К огромному облегчению Керенского, выступление Корнилова было довольно сдержанным. И все же для Керенского это была ненужная победа. Что касается Корнилова, то предупреждения Керенского послужили дополнительным доказательством (если требовались еще какие-то доказательства) слабости позиции премьер-министра [25]. Более того, после Корнилова под одобрительные крики правых на трибуну один за другим поднимались ораторы, которые ни в коей мере не скрывали сильной антипатии к вызванному революцией переменам и глубокой неприязни к Временному правительству.

Московское совещание закрылось ночью 15 августа. Как средство объединения различных элементов российского общества оно потерпело полное фиаско. Керенский вышел из этого испытания с еще большим осознанием собственной изоляции. «Мне трудно, — пожаловался он однажды, — потому что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других... Я хочу идти посередине, а мне не помогают» [26]. Он покинул Москву, явно переоценив ту поддержку, которой пользовалась программа правых. Окончание Московского совещания совпало с волной пожаров на промышленных предприятиях, прокатившейся через несколько дней после внезапного падения Риги [27]. Наряду с давлением сторонников Корнилова эти события побудили Керенского задуматься о более жестком гражданском и военном руководстве. Керенский, по-видимому, в конце концов пришел к выводу, что откладывать введение некоторых серьезных ограничений политических свобод и предложенных Корниловым 10 августа радикальных мер подавления больше не следует, даже если подобная акция приведет к окончательному разрыву с Советом и народными массами. И вот 17 августа он, вероятно, с тяжелым сердцем дал Савинкову указание подготовить проекты конкретных указов для представления кабинету [28].

И хотя теперь в политическом плане Керенский заметно сблизился с Корниловым, расхождения между ними продолжали носить глубокий характер, что во многом объясняет их последующие позиции: и Керенский, и Корнилов видели только себя (но не другого) в качестве сильной личности в новом авторитарном правительстве. Керенский был полон решимости использовать Корнилова в собственных интересах, аналогичные намерения были и у Корнилова, но уже в отношении Керенского. Между тем приготовления правых группировок в тылу и на фронте к перевороту, получившие дополнительный импульс на Московском совещании, достигли кульминационного момента. Все было готово к последней, решительной схватке.

После Московского совещания Корнилов продолжал снимать с фронта и концентрировать вокруг Петрограда значительное количество войсковых частей. Основными соединениями, нацеленными на столицу, были: 1-я Донская казачья дивизия и Уссурийская конная дивизия, входившие в 3-й конный корпус Крымова [29]. Верховное командование считало данные части самыми дисциплинированными и политически благонадежными. В первой половине августа эти дивизии стали выдвигаться из резерва Румынского фронта в район Невель — Новосokolьники — Великие Луки, примерно в 480 км от Петрограда по железной дороге. В двадцатых числах августа 1-ю Донскую казачью дивизию передислоцировали в окрестности Пскова, сократив тем самым наполовину расстояние до столицы. Одновременно 3-му корпусу передали еще одну первоклассно вышколенную Дикую дивизию, названную так потому, что в ней главным образом служили представители народностей Северного Кавказа, о свирепости и жестокости которых в бою ходили легенды. Дивизию перебросили по железной дороге на станцию Дно, к востоку от Пскова [30]. Для усмирения столицы предусматривалось, в случае необходимости, задействовать другие, расположенные в Прибалтике казачьи и ударные части. 25 августа в Ставку вызвали командующего расквартированным в Финляндии 1-м конным корпусом генерала А.М. Долгорукова, поскольку планировалось подчиненную ему 5-ю Казачью дивизию направить к Петрограду с севера в тот момент, когда соединения 3-го корпуса начнут двигаться к столице с юга. Среди других исходящих из Ставки в то время приказов о передислокации воинских частей была директива Ревельскому ударному «батальону смерти» выступить в Царское Село [31].

Насколько можно судить на основании разрозненных, порой противоречивых сообщений, главный комитет Союза офицеров, военный отдел Республиканского центра и Военная лига подготовили детальный план правого путча, который должен был произойти при

приближении к Петрограду фронтовых воинских частей [32]. Этот план, как видно, увязывался с серией массовых митингов, посвященных шестимесячному юбилею Февральской революции, которые руководство Совета намеревалось провести 27 августа с целью сбора денежных пожертвований. Заговорщики, вероятно, предполагали, что за массовыми митингами последуют беспорядки, которые можно будет использовать в качестве предлога для введения военного положения, разгрома большевистских организаций, разгона Совета и установления военной диктатуры. Чтобы нужные беспорядки непременно произошли в подходящий момент, условились, что правая пресса начнет нагнетать в столице политическую напряженность, а маскирующиеся под большевиков агитаторы в это время пойдут по заводам и фабрикам и будут поднимать рабочих. Заговорщики также договорились, что в крайнем случае они сами инсценируют левый мятеж, адвигающиеся на столицу войска призовут на помощь для восстановления спокойствия и утверждения нового, более строгого государственного порядка [33].

С приближением условной даты главный комитет Союза офицеров под разными предлогами стянул в Петроград необычно большое число прокорниловских офицеров. 22 августа начальник Генерального штаба дал указание дивизионным штабам пехотных, кавалерийских и казачьих дивизий всех фронтов направить по три офицера в Могилев якобы для обучения обращению с новейшими английскими бомбометами и минометами. На самом деле все эти офицеры по прибытии в Ставку получали инструктаж и почти сразу же отсылались в Петроград [34].

В какой мере правительство было осведомлено об этой деятельности — не совсем ясно. В начале августа Керенский получил от ЦК эсеров тревожное сообщение, касавшееся деятельности Союза офицеров [35]. После Московского государственного совещания страх премьер-министра перед заговорами, будто бы замышлявшимися против него в Ставке, стал навязчивой идеей. По его настоянию правительство приняло решение: запретить Союзу офицеров использовать денежные средства штаба для финансирования своей деятельности, удалить из Могилева главный комитет Союза и арестовать наиболее активных его членов [36]. Трудно также определить степень личного участия Корнилова, масштабы взятых им на себя обязательств в связи с реализацией планов его сторонников из числа экстремистов. Являлись ли очевидные приготовления к прямому вмешательству в государственную политику и безусловное содействие правым в столице следствием искренней веры Корнилова (подогреваемой окружившими его заговорщиками) в то, что большевики вознамерились поднять народное восстание, с которым правительству не справиться? На этот счет нет убедительных доказательств. Есть свидетельства, что даже в тот момент Корнилова все еще не оставляла мысль, что Керенский в конце концов осознает необходимость более решительного правительства и примет участие в его формировании.

Надежда Корнилова, что Керенский, возможно, согласится на сотрудничество, получила достаточное подтверждение в беседах, которые состоялись в Могилеве днем и вечером 23 августа и на следующее утро между Корниловым и заместителем военного министра Савинковым, представлявшим премьер-министра [37]. В ходе этих бесед они затронули ряд щекотливых вопросов, вызывавших разногласия между Корниловым и Керенским. В основном речь шла о том, как поступить с теми положениями программы Корнилова, которые касались тыла и которые Керенский отверг 10 августа. К моменту переговоров были составлены законопроекты о контроле в тылу, подготовить которые Керенский поручил Савинкову 17 августа. В общем, они включали многие требования Корнилова. Как видно, Корнилов отозвался о законопроектах с одобрением, а Савинков выразил уверенность, что они будут представлены кабинету «в ближайшие дни». Обе стороны тревожил один важный вопрос: как правительству следует реагировать на бурю массовых протестов, которую неизбежно вызовет публикация новых законов. Савинков заявил, несомненно выдавая желаемое за действительное, что большевики и, возможно, Совет взбунтуются и что правительство беспощадно расправится с подобными протестами. Для укрепления позиции правительства при проведении нового жесткого курса Савинков предложил подтянуть к столице и передать в распоряжение военного министерства 3-й корпус. Вместе с тем он настаивал на том, чтобы «по политическим причинам» перед переброской отстранили от командования корпусом реакционного генерала Крымова и заменили Дикую дивизию регулярной кавалерийской частью [38].

В тот момент Корнилов согласился на эти условия, хотя в последующем просто игнорировал их. По существу, правительство санкционировало передислокацию воинских частей, о которой верховный главнокомандующий уже распорядился самолично несколькими неделями ранее. Было решено, что Корнилов информирует Савинкова по телеграфу за два дня до прибытия 3-го корпуса на место. После этого правительство введет в Петрограде военное положение и затем опубликует новые законы [39]. Савинков и Корнилов достигли согласия в рабочем порядке во время первой беседы, состоявшейся в полдень 23 августа, хотя на первый взгляд разговор сначала не обещал ничего хорошего. Корнилов жаловался на социалистов из Совета в правительстве и сильно бранил самого Керенского. Как отметил позднее Савинков, Корнилов прямо заявил, что «стать на путь твердой власти Временное правительство не в силах», что «за каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории» [40]. Но после того, как Корнилов прочитал проекты законов Савинкова и получил санкцию на переброску войск в Петроград, его настроение заметно улучшилось [41]. И когда Савинков стал критиковать Союз офицеров, а затем попросил Корнилова не разрешать штабу оказывать помощь Союзу офицеров и сделать так, чтобы главный комитет Союза перенес свою деятельность в Москву, генерал на это согласился.

В рабочем порядке урегулировали и еще одну щекотливую проблему. Речь шла о том, кому (правительству или Генеральному штабу) будет подчинен Петроградский военный округ. В телеграмме Керенскому от 19 августа Корнилов подтвердил свое желание — иметь войска Петроградского гарнизона под личным командованием. Телеграфируя правительству об обстоятельствах падения Риги, он повторил свое требование [42]. В то же время Корнилов настаивал на том, чтобы больше частей Петроградского гарнизона послал и на оборонительные позиции Северного фронта. Конечно же, правительство еще с июльских дней стремилось вывести распропагандированных солдат из столицы. Поэтому кабинет с готовностью откликнулся на просьбу Корнилова, и к концу августа интенсивность переброски войск из столицы на фронт заметно возросла. Однако передать всех солдат гарнизона под начало Корнилова — совсем другое дело. Как заметил позднее Керенский, если бы на это пошли, то «мы были бы тут скушаны» [43]. Поэтому Савинков перед выездом в Могилев получил задание — уговорить Корнилова согласиться взять под свое командование Петроградский военный округ без воинских частей, расположенных непосредственно в самой столице и в предместьях. Когда данную проблему затронули где-то в середине переговоров, Корнилов почти без возражений принял предложение Савинкова.

К концу дискуссий Савинков поинтересовался отношением Корнилова к правительству. В ответ Корнилов с сомнительной откровенностью заявил о своей лояльности Керенскому [44]. Не исключено, однако, что визит Савинкова подвел Корнилова к мысли, что ход событий все-таки вынудил Керенского принять точку зрения генерала и что, следовательно, можно, пожалуй, будет обойтись без применения силы против правительства. Во всяком случае, у Корнилова были все основания почувствовать облегчение и уверенность. Если, полагал он, и возникнут дополнительные проблемы с утверждением в Петрограде сильного правительства без социалистов из Совета, в котором ведущая роль будет принадлежать армии, то не склонный к компромиссам Крымов быстро с ними справится. Встреча в Могилеве, по-видимому, вселила уверенность и в Савинкова. Корнилов и Керенский, казалось ему, наконец-то как будто готовы действовать сообща в деле восстановления порядка — цель, к которой Савинков постоянно стремился. Появилась надежда, что с угрозой большевизма и вмешательством Совета скоро будет покончено и что Россия сможет приступить к главной задаче — возобновлению своих военных усилий.

Вечером 24 августа, вскоре после отъезда Савинкова в Петроград, генерал Крымов получил от Корнилова распоряжение двигаться на Петроград как только придет сообщение о «выступлении большевиков». После этого он покинул Могилев, чтобы находиться со своими солдатами [45]. На следующий день 3-й корпус был приведен в боевую готовность, и Крымов составил проект приказа, который следовало обнародовать после вступления войск в столицу. Этим приказом Крымов объявлял район Петроградского военного округа с Финляндией и Кронштадтом на осадном положении. С 7 часов вечера до 7 часов утра устанавливался комендантский час. Предписывалось закрыть все торговые заведения, кроме продовольственных магазинов и аптек. Любые стачки и собрания запрещались.

Жителям, имеющим оружие, надлежало его немедленно сдать. Во всех органах периодической печати вводилась строгая цензура. Виновные в нарушении указанных правил (за исключением положения о цензуре) подлежали расстрелу. «Предупреждаю всех, — писал в приказе Крымов, — что, на основании повеления верховного главнокомандующего, войска не будут стрелять в воздух» [46].

Ночью 25 августа Крымов получил дополнительное распоряжение — утром выступить в северном направлении. В этой связи главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский получил указание погрузить в эшелоны Уссурийскую конную дивизию, дислоцированную в районе Великих Лук, и через Псков, Нарву и Красное Село направить к столице. Одновременно другим воинским соединениям 3-го корпуса — Дикой дивизии и 1-й Донской казачьей дивизии — надлежало выступить соответственно со станции Дно и из Пскова в Царское Село и Гатчину. Кроме того, каждой из главных воинских частей 3-го корпуса определили конкретную зону действия после военной оккупации Петрограда. Дикой дивизии, которая шла на Петроград вопреки данному Савинкову обещанию, предстояло: занять Московский, Литейный, Александро-Невский и Рождественский районы города; разоружить рабочих и все войска Петроградского гарнизона, кроме личного состава военных училищ; поставить караулы и организовать патрулирование; установить охрану тюрем; взять под контроль железные дороги района; силой оружия подавить любые беспорядки и всякое неповиновение приказам. В то же время Корнилов отправил Савинкову телеграмму с обусловленным текстом: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру двадцать восьмого августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении двадцать девятого августа» [47].

В тот самый момент, когда Савинков намеревался поставить свои новые законы о наведения порядка в тылу на голосование кабинета, правые экстремисты в Петрограде, то ли упустив из виду выработанные между Савинковым и Корниловым соглашения, то ли просто игнорируя их, продолжали настойчиво готовиться к перевороту. Правая пресса ежедневно предупреждала о подготавливаемой левыми элементами «резне», которая якобы должна произойти 27 августа. Большинство социалистов и большевиков в Совете встревожили многочисленные сообщения о призывах рабочих к мятежу со стороны «таинственных людей в солдатской форме».

В этот период произошел ряд примечательных событий, которые разрушили всякие иллюзии относительно того, что Корнилов и Керенский станут действовать вместе, и которые нанесли серьезный удар приготовлениям к перевороту. Все началось со встречи Керенского и Владимира Львова 22 августа в Зимнем дворце. Владимир Львов — этот полный добрых намерений, но наивный и бестолковый хлопотун — был либеральным депутатом Государственной думы третьего и четвертого созывов, бесцветным обер-прокурором Синода в первом и втором кабинетах Временного правительства. Он разделял мнение многих крупных деятелей промышленности, торговли и аграрного сектора, с которыми поддерживал связь, что спасение России зависит от создания (мирным путем) нацеленного на правопорядок «национального правительства», включающего представителей всех основных патриотических групп. Однако в отличие от других горячих сторонников Корнилова Львов сохранил известное уважение к Керенскому, с которым близко познакомился, работая в Думе и в правительственном кабинете. Он считал, что оба — и Корнилов, и Керенский — беззаветно стремились к одной и той же цели — к созданию авторитарного государственного порядка. С тревогой узнав о ведущихся в Ставке приготовлениях к захвату власти, Львов посчитал своим долгом сделать все от него зависящее для предотвращения столкновения между премьер-министром и верховным главнокомандующим. Взяв на себя роль посредника между этими двумя государственными деятелями, Львов поспешил в Петроград, где добился встречи с Керенским вечером 22 августа [48]. После таинственного заверения, что он прибыл от имени «определенных групп внушительной силы», Львов нарисовал мрачную картину той ситуации, в которой оказалось правительство, и добровольно вызвался прозондировать настроения ключевых политических фигур (вероятно, начиная с Корнилова) в поисках возможного базиса для формирования «национального кабинета».

Если верить изложенному в мемуарах Львова отчету о беседе, Керенский предоставил ему полномочия вести переговоры от его имени и даже выразил готовность уйти в отставку с

поста премьер-министра [49]. Позже Керенский категорически отрицал правдоподобность версии Львова, касавшейся этой беседы, и дал ей иную интерпретацию. Подозревая якобы с самого начала, что Львов замешан в заговоре, и увидев в его предложении возможность выведать намерения своих врагов, он просто не противился его неофициальному прощупыванию и... ничего более [50]. Ближе к истине версия Керенского. Нет никаких доказательств, что Керенский когда-либо действительно желал разделить власть с Корниловым. Кроме того, имея в виду постоянную, навязчивую идею Керенского о плетущихся против него заговорах, мысль об использовании Львова с целью получения информации не лишена известной логики. Что же касается варианта Львова, то трудно сказать, то ли в приливе энтузиазма он не так понял Керенского, то ли увлеченный ощущением собственной значимости или настоятельной необходимости, он сознательно преступил свои полномочия и затем старался затушевать этот факт [51].

Как бы там ни было, Львов сразу же покинул Петроград и после короткой остановки в Москве, где он сообщил, что Керенский не возражает против реорганизации правительства, создания «национального кабинета» и, если понадобится, против собственной отставки, выехал поездом в Могилев. В Ставку он прибыл 24 августа. Начиная разговор, Львов, вероятно, создал впечатление, что уполномочен премьер-министром помочь сформировать новый кабинет с участием или без участия Керенского. Встретившись с Корниловым сначала вечером 24 августа, он попросил генерала изложить свою позицию относительно характера и состава нового правительства. Первая реакция Корнилова на данное предложение была уклончивой, отчасти, безусловно, потому, что он не проконсультировался с Завойко. Ясно, однако, и то, что для Корнилова и в еще большей степени для таких экстремистов, как Завойко, появление Львова в Ставке сразу же после визита Савинкова явилось дополнительным доказательством слабости Керенского и его готовности к компромиссу [52]. Примечательно, что Завойко и другие правые лидеры в Могилеве без проволочек начали активно и открыто обсуждать кандидатов на министерские посты в новом правительстве.

На второй встрече 25 августа Корнилов, на этот раз в сопровождении Завойко, не очень-то выбирал выражения, выдвигая свои требования. Он прямо заявил, что Петроград должен быть объявлен на военном положении, а вся военная и гражданская власть передана верховному главнокомандующему ("кто бы таковым ни был"). В новом правительстве, сказал Корнилов, найдется место и для Керенского в качестве министра юстиции, и для Савинкова в качестве министра обороны. Он потребовал, чтобы ради собственной безопасности оба приехали в Могилев не позднее 27 августа. По словам Львова, когда Корнилов упомянул Керенского как возможного министра юстиции, Завойко тоном, не допускающим возражений, отверг подобную мысль, предложив дать Керенскому пост заместителя премьер-министра [53].

Тот факт, что данные условия не показались Львову странными, является ярким свидетельством его умственной ограниченности. В ответ он лишь предложил пригласить в Могилев ведущих кадетов, крупных финансистов и промышленников для участия в формировании нового кабинета. Вместе с тем брошенная Завойко вскользь реплика в тот момент, когда Львов собирался сесть на поезд, отходящий в Петроград, породила в голове последнего определенные опасения за судьбу Керенского, если тот в самом деле явится в Ставку. Завойко, в частности, как бы между прочим, заметил, что Керенский нужен «как имя для солдат, но что это только на 10 дней, а потом его уберут» [54].

Во второй половине дня 26 августа Львов, уставший, но, по-видимому, не обескураженный результатами переговоров, прибыл в Зимний дворец для доклада Керенскому. Перед тем как Львова пропустили к премьер-министру, Савинков самонадеянно заверил Керенского, что Корнилов любыми средствами поддержит его. Этот эпизод помогает объяснить реакцию Керенского, когда Львов, устно перечислив условия Корнилова, стал настаивать на том, чтобы с ними немедленно ознакомили правительство, и умолять Керенского побыстрее и подальше уехать из Петрограда ради спасения собственной жизни! Полагая, что Львов шутит, премьер-министр сначала расхохотался. «Какие тут шутки», — возразил Львов и принялся вновь уговаривать уступить Корнилову.

Впоследствии Керенский вспоминал, что в тот момент он начал бегать взад-вперед по огромному кабинету, стараясь понять случившееся. Успокоившись, он предложил Львову письменно изложить требования Корнилова, на что тот с готовностью согласился [55]. Более того, желая найти другие подтверждения измены Корнилова и достаточные основания для действий против него, Керенский устроил разговор с Корниловым по прямому проводу. Результатом стал самый трагичный, нелепый и теперь наиболее известный эпизод российской политики 1917 года. Пролывая свет на многое, он заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным в деталях. Для прямого разговора с Корниловым пришлось использовать технические средства связи военного министерства. Львов согласился встретиться в министерстве с Керенским в 21.30, но задержался. Однако это не остановило премьер-министра, который уже был близок к истерике. Он вызвал Корнилова, сделав вид, что Львов рядом с ним, и между ними произошел следующий разговор:

(Керенский). — Здравствуйте, генерал. Владимир Николаевич Львов и Керенский у аппарата. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

(Корнилов). — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, вновь заявляю: события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

(Львов). — Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю — то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично, без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется вполне доверять.

(Корнилов). — Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настоятельную просьбу приехать в Могилев.

(Керенский). — Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра; нужен ли Савинков?

(Корнилов). — Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович выехал вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

(Керенский). — Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае.

(Корнилов). — Во всяком случае.

(Керенский). — До свидания, скоро увидимся.

(Корнилов). — До свидания [56].

Легко себе представить бурное ликование в Ставке, последовавшее за этим разговором. Появилась надежда, что Керенский без борьбы согласится на создание Корниловым нового правительства. Между тем самые худшие опасения Керенского, по-видимому, вот-вот должны были оправдаться. Хотя переговоры по прямому проводу подтвердили, по сути, только тот факт, что Корнилов хотел, чтобы Керенский и Савинков приехали в Могилев, Керенский тем не менее пришел к выводу, что его обманули и что Ставка стремится обойтись без него. Беспорядочный рой мыслей закружился в голове. На прошлой неделе он

переключился на правый курс, который, если станет полностью известен, сильно скомпрометирует его в глазах умеренных социалистов. Реально ли тогда рассчитывать на их поддержку в конфликте с Корниловым? И как отличающиеся непостоянством петроградские массы, то есть те самые элементы, которые он надеялся приструнить, будут реагировать на новый кризис? Их, вне всякого сомнения, можно поднять на борьбу с Корниловым. Но не придаст ли это левым силы? И, сражаясь с Корниловым, не нанесет ли он поражение самому себе и еще один удар по надеждам на восстановление порядка и боеспособности армии?

Поразмыслив таким образом, Керенский, по-видимому, пришел к заключению, что благоразумнее всего предупредить попытки сторонников Корнилова в кабинете достичь компромисса с генералом за его счет, оставить левых в неведении относительно надвигающегося кризиса и снять Корнилова с поста верховного главнокомандующего прежде, чем 3-й корпус достигнет пригородов Петрограда. И в самом деле, о разногласиях Керенского с Корниловым не сообщалось в прессе и даже руководству Совета почти 24 часа.

Поздно ночью 26 августа, арестовав и заперев Львова в одной из задних комнат Зимнего дворца, Керенский провел консультации со своим ближайшим союзником Некрасовым, а также с Савинковым и другими высшими чинами военного министерства. Затем он прервал заседание кабинета в Малахитовом зале (по иронии судьбы, министры как раз обсуждали законопроекты Савинкова) и сделал сообщение об «измене» Корнилова. В подтверждение он зачитал вслух с телеграфной ленты свой разговор с генералом и передал ее для всеобщего обозрения. Затем Керенский попросил министров предоставить ему всю полноту власти для принятия в данной чрезвычайной обстановке таких мер, которые он сочтет нужными. Он заметил, что дальнейшее развитие ситуации может потребовать «преобразования кабинета». Вероятно, Керенский рассматривал возможность создания Директории (сильного государственного исполнительного органа, включающего менее полудюжины высших должностных лиц и похожего на тот, который существовал во Франции с 1795 по 1799 год). Информация о том, что потом произошло, — весьма неопределенна. По всем признакам кадеты Кокошкин и Юренев, давно недовольные руководством Керенского и опасавшиеся, что он может злоупотреблять «чрезвычайными полномочиями», высказали свое категорическое несогласие и пригрозили подать в отставку, если предложение Керенского будет принято. Большинство министров все-таки поддержало премьер-министра и, чтобы предоставить ему полную свободу действий при формировании нового правительства, они, в сознании собственного долга, официально предложили свою отставку. Керенский, по-видимому, принял отставку, но попросил членов кабинета оставаться на своих постах в качестве исполняющих обязанности министров до создания нового правительства. Только Кокошкин отказался [57].

Последнее официальное заседание второй коалиции продолжалось почти до 4 часов утра 27 августа. После его завершения Керенский отправил Корнилову краткую телеграмму, приказывая передать свой пост начальнику штаба генералу Лукомскому и немедленно выехать в Петроград. Получив в Могилеве четыремя часами позднее данную депешу, ошеломленный Лукомский сразу же телеграфировал: «Остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно... Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым... Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала... Не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова» [58].

Ответ Лукомского, конечно же, разбил надежды Керенского на быстрое устранение Корнилова и на предотвращение открытого конфликта. Более того, отправленные Корниловым фронтовые части продолжали двигаться к Петрограду. Поэтому в полдень 27 августа Керенский начал составлять планы обороны столицы. В этой связи он приказал объявить Петроград на военном положении, а Савинкова, на которого в борьбе и с ультралевыми элементами и с Корниловым можно было положиться, назначил генерал-губернатором Петрограда и ответственным за все военные приготовления. Керенский также подготовил публичное заявление о кризисе, обнародование которого задержал на несколько часов, пока сначала Савинков, а затем Маклаков безуспешно пытались по прямому проводу убедить Корнилова уйти со своего поста [59]. Тем временем Керенский

старался не подпустить корниловские части к столице. В телеграмме, которую он направил, помимо других, главнокомандующему Северным фронтом, командующему 3-м корпусом в генералу Корнилову говорилось; «Приказываю все эшелоны, следующие на Петроград и в его район, задерживать и направлять в пункты прежних последних стоянок». Далее сообщалось, что в столице все спокойно и никаких выступлений не ожидается [60].

Приказа никто не исполнил. И вечером было обнародовано заявление Керенского, а копия отправлена Корнилову. Учитывая все обстоятельства, заявление оказалось довольно сдержанным. О движении воинских частей с фронта к Петрограду вообще не упоминалось. Население лишь информировали, что Корнилов через Львова потребовал от Временного правительства передачи всей гражданской и военной власти, что этот акт отражает стремление части определенных кругов к «установлению в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции», и что в этой связи правительство уполномочило Керенского принять быстрые и решительные контрмеры. Как указывалось в заявлении, к этим мерам относились: увольнение Корнилова и объявление Петрограда на военном положении [61].

Как в то время писала в дневнике поэтесса Зинаида Гиппиус, узнав о заявлении, Корнилов «должен был в первую минуту подумать, что кто-то сошел с ума. В следующую минуту он возмутился» [62]. Ведь Корнилов не посылал Львова и, как ему казалось, правительству не угрожал. Поздно ночью Завойко составил взволнованную, хотя по обыкновению неуклюже сформулированную ответную телеграмму, которую разослали всем военачальникам и сразу же зачитали корреспондентам. Помимо прочего, в ней говорилось: «Телеграмма министра-председателя... во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал... Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя... Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша умирает!

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагами — до Учредительного собрания, на котором Он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни...

27 августа 1917 года

Генерал Корнилов» [63].

Опубликовав данное объявление войны, Корнилов дал указание продолжить движение войск по железной дороге на Петроград. Какое-то время уверенность генерала в том, что 3-й корпус последует за своими командирами, как будто оправдывалась. 27 августа части Дикой дивизии погрузились в эшелоны, направившиеся к столице. На следующее утро передовой отряд дивизии подошел к Вырице; Уссурийская конная дивизия достигла Пскова и продолжала идти на Нарву — Ямбург; 1-я Донская казачья дивизия двигалась от Пскова и приблизилась к Луге [64].

Значительная часть высшего начальствующего состава быстро оповестила о своей лояльности Корнилову. Так поступили главнокомандующие Северным и Западным фронтами генералы Клембовский и Валуев, заместитель главнокомандующего Румынским

фронтом генерал Щербатов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин. Последний телеграфировал Керенскому:

«16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена... Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом совести довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду» [65].

Главный комитет Союза офицеров разослал телеграммы всем штабам армии и флота, заявляя, что Временное правительство «не может дальше оставаться во главе России», и призывая всех офицеров быть «твердыми и непоколебимыми» в поддержке Корнилова [66].

28 августа в преддверии победы Корнилова цены на акции на петроградской фондовой бирже резко подскочили. Многим правительственным чиновникам положение Керенского казалось безнадежным. Характерной для циркулировавших в то время тревожных сообщений явилась телеграмма, полученная Терещенко от представителя министерства иностранных дел в Могилеве князя Григория Трубецкого. Он докладывал: «Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону встанет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организаций... В большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, — равнодушие, которое подчиняется удару хлыста» [67].

Последующие события покажут, насколько ошибочной была данная оценка ситуации. Почти с самого начала корниловского кризиса социалистические руководители, знавшие лучше настроения масс, были уверены, что силы, нацелившиеся на создание военной диктатуры, непременно получат отпор [68]. Возможно даже, вспоминает Суханов, что некоторым политическим лидерам, тесно связанным с рабочими и солдатами, сообщение о наступлении Корнилова принесло некоторое чувство «облегчения... возбуждения, подъема и какую-то радость какого-то освобождения». Появилась надежда, что «демократия может воспрянуть и революция может быстро выйти на свой законный, давно утерянный путь» [69]. Однако Керенский едва ли разделял подобные чувства. В то время когда боевые колонны Корнилова, ведомые Крымовым, казалось, взяли Петроград в клещи, когда силы правых и левых изготовились для фронтального удара, премьер-министр наконец уяснил всю глубину собственной изоляции. Оказавшийся между двух огней и ожидая репрессий, кто бы ни победил, Керенский впал в отчаяние. Керенскому показалось, что его политическая карьера подошла к концу.

1. Turkova-Williams Ariadna. From Library to Brest-Litovsk: The First Year of the Russian Revolution. London, 1919, p. 167.

2. Государственное совещание. Ред. Покровский М.Н. и Яковлев Ю.А. М.- Л., 1930, с. 308.

3. "Известия", 13 августа.

4. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 -февраль 1918, М., 1958, с. 7-9.

5. Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 35.

6. М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 64.
7. Расстригин А.Ф. Революционные комитеты августовского кризиса 1917 г. (диссертация). Л., 1969, с. 90.
8. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 20, 379-380.
9. Там же, с. 392.
10. Суханов И. Записки о революции. Берлин, Петербург и Москва. 1922-1923, т. 5, с. 155-156; В л а д и м и р о в а В. Революция 1917 года. Л., 1924, т. 4, с. 45.
11. Суханов Н. Указ. соч., т. 5, с. 156.
12. Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 45.
13. Государственное совещание, с. 133.
14. Там же, с. 74-76.
15. Там же, с. 112-117.
16. Впоследствии эту платформу назвали "Программой 14 августа".
17. Относительно различий между декларацией Временного правительства от 8 июля и более консервативной программой от 14 августа см.: Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г., с. 88.
18. Государственное совещание, с. 4.
19. Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921 - 1924, т. 1, вып. 2, с. 127-128.
20. "Новое время", 13 августа.
21. Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. с. 84.
22. Верховский А.И. Россия на Голгофе. Петроград, 1918, с. 107.
23. М и л ю к о в П.Н. История второй русской революции, т. I, вып. 2, с. 174, 183.
24. "Последние новости", 20 января 1937 г.; "Вопросы истории", 1964, № 4, с. 40.
25. White J.D. The Kornilov Affair..., p. 200.
26. Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник, 1914-1918 гг. Белград, 1919, с. 174.
27. Рижская катастрофа быстро превратилась в русской прессе в источник споров и разногласий, отчасти потому, что произошла неожиданно. Генералы, сразу же поддержанные либералами и консерваторами, утверждали, что поражение - это еще одно свидетельство царящего в вооруженных силах хаоса. По-видимому, в то время данную точку зрения разделял и Керенский. Левые, с другой стороны, как видно, полагали, что Генеральный штаб преднамеренно не позаботился об обороне Риги, чтобы тем самым подкрепить фактами свои требования относительно репрессивных мер.

28. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 74-75. В свою очередь Савинков поручил фактическую подготовку этих указов поспешно созданной в рамках военного министерства комиссии под руководством генерала Апушкина.

29. 10-я кавалерийская дивизия, также входившая в 3-й корпус, осталась на обычном месте дислокации.

30. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 131 -132; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 56-59; Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 78-83. В Кавказскую туземную (Дикую) дивизию входили Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Черкесский и Ингушский кавалерийские полки, Осетинская пехотная бригада и 8-й казачий артиллерийский дивизион.

31. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 439, 629.

32. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 132.

33. Т а р т ы и о в Е.И. Указ. соч., с. 77-78.

34. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 420, 452-453.

35. Ra d k e y O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958, pp. 386-387.

36. Там же; Керенский А.Ф. Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965, pp. 341-342.

37. Описание Савинковым первой из этих бесед см. в: Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 421 -443. На вторую беседу вечером 23 августа время от времени заходили: генерал И.П. Романовский, полковник В.Л. Барановский и Филонено. Изложение данной части переговоров, подписанное Корниловым, Лукомским и Романовским, см.: Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г., с. 206-209.

38. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 421-423. См. также заявление Савинкова представителям печати в: "Биржевые ведомости", 12 сентября; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 80-82.

39. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 432.

40. Там же, с. 421.

41. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 80; Чаадаева О. Корниловщина. М.- Л., 1930, с. 90-91.

42. Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 78.

43. Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 82.

44. Kerensky A.F. Prelude to Bolshevism: The Kornilov Rising. N.Y., 1919, pp. 214-215 (английский перевод книги А.Ф.Керенского "Дело Корнилова").

45. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 432, 629.

46. Там же, с. 433-434. См. также: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 133-134.

47. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 434-435, 439- 440.

48. Kerensky A.F. Russia and History's Turning Point. N.Y., 1965, p. 342.

49. Brow der R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917[^] Documents. Stanford, 1961, vol. 3, pp. 1561-1562.
50. Мартыно в Е.И. Указ. соч., с. 84. См. также: Революционное движение в России в августе 1917 г. с. 444; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 100- 103.
51. Примечательно, что в то время в показаниях государственным следователям Львов не упомянул предложения Керенского об отставке. См.: Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 425-428.
52. Такое впечатление сложилось у прогрессивного генерала Верховского, который 24 августа находился в Могилеве и разговаривал с Корниловым вскоре после встречи с Львовым. В дневнике Верховский записал, что, по всей видимости, Корнилов придавал особое значение возможности действовать вместе с правительством, о чем его заверил Львов. (Верховский А.И. Россия на Голгофе, с. ПО).
53. Browder R.P., Kerensky A.P. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanrord, 1961, vol. 3, pp. 1564-1565. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 428, 450; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 88.
54. М а р т ы н о в Е.И. Указ. соч., с. 88.
55. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 441-442; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 105-106; Мартынов Е.И. Указ. соч., с. 96-97.
56. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 443; Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 108-109. Browder R.P., Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents Stanford, 1961, vol. 3, p. 1571.
57. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 444; Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921 -1924, т. I, вып. 2, с. 218-220; Rose n berg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 229-230; Kokoshkin F.F., K i s h k i n N.M. Reports to the Kadet City Commitee in Moscow, August 31, 1917. Hoover Institution (Nicolaevsky Archiv), Stanford, pp. 8-10
58. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 448.
59. Там же, 448-452.
60. Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 101.
61. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 445.
62. Гиппиус З. Указ. соч., с. 179.
63. Browder R.P., Kerensky A.P. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, p. 1573.
64. Октябрьское вооруженное восстание, с. 137.
65. Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4,, с. 110; Lechovich Dimitry V. White against Red: The Life of General Anton Denikin. N.Y., 1974, p. 124.
66. Владимирова В. Революция 1917 года. т. 4, с. 110.
67. Browder R.P. Kerensky A.F. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, pp. 1573-1574.

68. Woy t i n s k y W.S. Stormy Passage. N.Y., 1961, pp. 350-351.

69. Суханов Н.Н. Указ. соч., с 217.